

ЧАС МОЛОДОСТИ

рубеж, не доставив душе страданий».

Этим вторым был Владислав Иванович Акимов.

...Я знаю эти дни рождения Акимова, удивительные его домашние представления — неприязнительные, но поучительные комедии с двоюродным торжеством в главной роли. Надев нагрудник, ел я, подобно остальным приглашенным, клюквенный кисель и маниую кашу — потому что все это вместе взятое называлось детским утренником. Сиживал за столом, накрытым как на великокняжеской трапезе, с хлебом-солью, водкой в четверти и жареным поросенком. Хлеб, соль и водка были из магазина, а четверть и поросенок — из реквизитного цеха театра оперы и балета. Ел прекрасную авторскую, абсолютную подлинную уху возле палатки, разбитой посреда акимовской малогабаритной столовой....

И когда я сейчас раздумываю о судьбе этого человека, то готов предположить, что и она замыслена самим Акимовым — как непрерывающееся действие, движимое молодой страстью, жадной ума и сердца, утоления которой нет и никогда не будет.

Природа — это у Акимова родовое, отцовское, дедовское. Отец его, педагог-математик и природовед, написал книгу «Глухаринная охота» (в 1927 году она вышла в Свердловске), предпослав ей короткую строку посвящения: «Своему сыну Владиславу...» Сын принял его как напутствие. После

рабфака поступил в горный институт, получил диплом инженера-геолога, искал золото в экспедициях бывшего «Главредмета». Вспоминает: «Под Нальчиком нашёл месторождение, так его добытки за одно лето выстрошили».

Странствовал — пешком, на колесах — по Уралу, по Сибири и Казахстану, по Бародейскому Северу, по Украине. Волка гонял, смотрел глухаринные турниры, семгу, тайменя ловил. Как и отец, в одно прекрасное утро взялся за перо, чтобы рассказать о том, что увидел и понял в мире живой природы, а он никогда не был в нем праздным гулякой, Иванов, не помнящим родства. Акимов пишет статьи, книги. О необходимости знать мудрые установления Земли, уважать их, следовать им, о великодушии и милосердии перед лицом природы.

Он пишет повесть «Вне закона» о волках, савитарах природы — повесть вышла в Перми два года назад, сдана в издательство рукопись книги о глухарях, древней таинственной птице, так и ненаучившейся жить в неволе. Задумывает книгу о собаках. Об учёных «интеллектуалах»-сеттерах; о лихих и сметливых гончих; о своеобразных лайках, умеющих считаться с интересами человека, но никогда не упускающих случая урвать что-то и для себя....

И театральная сцена никогда не была для Акимова местом отдохновения от забот житейских. И здесь бил для

него мощные животворящие родники, или несмыслимые точки молодости. В Свердловске он закончила еще и консерваторию, в годы войны была солдатом ансамбля песни и пляски Уральского военного округа.

В Тихвине, сразу же после освобождения города от немцев, концерты шла в полуразрушенном здании вокзала. Рваные лоскуты неба были видны сквозь провалы крыши, немецкие башмаки из эрзац-кожи торчали там и сям из-под развалин.

Это всегда с ним — Тихвин. Обращенные к помосту сцены страдающие лица солдат в глубине зала. Завтра они опять пойдут в бой, и песня стояла в дневном солдатском радионе наравне с хлебом и кашей.

И это всегда с ним — первые послевоенные годы в Пермском театре, когда умели сплани радоваться друг другу, жизни, работе. «Мы тогда чувствовали, что словно заждались в чем-то, что-то упустили, — вспоминает Акимов, — и старались как можно скорее наверстать это упущенное».

Было каждодневное, неуходящее ожидание той, самой своей, роли. В «Паяках» он простился с «голубым» Сильвио и стал играть роль Тонио. В сердце Тонио добро стало предтечей зла, отвергнутая любовь к Неде пробудила в нем всепоглощающее желание мстить. В «Севильском цирюльнике» Фиорелло и даже самого Фитаро он сменил на Бартоло, хитрого и умного старика, который лишь в одном просчитался: деньги своей молодой и богатой родственницы Розипы он стремится приобрести уж слишком непосильным для себя способом — решив жениться на ней...

Были Игнатов в «Тане», Лястрат в опере «В бурю», Шонар в «Богеме», Цунига в «Кармен», Марбуаль в «Черте и Каче». Был Риголетто. Все это сделано по-акимовски — самостоятельно, остро. Стремление к творческой самостоятельности, вкус к общению с людьми привели его в свое время в хоровую капеллу мединского института, которой он руководит вот уже восемнадцать лет, а потом — и в режиссуру. Конечно, для дебюта Акимов взял «Севильского» — оперу, где он знает все вдоль и поперек.

А «самой своей» роли — все нет. («Суворова бы сыграть», — говорит Акимов). Как нет пока самой своей кляги. Таежной тропы. Глухаринной тяги. Да мало ли чего еще. Но ведь этим-то он и жив, Акимов. Он и знает ничего не хочет о голубой птице, придуманной неудачниками.

На его письменном столе дежат карманные часы, подаренные студентами в день, когда Акимову присвоили звание заслуженного работника культуры РСФСР. На корпусе их выгравировано по-студенчески и всеохватывающее и бескомпромиссное: «Через тернии к звездам». Я тоже вместе с другими верю, что показывают эти часы особое, акимовское, время, и когда они пробьют последний час молодости, это не принесет страданий ни ему самому, ни его близким, никому из тех, кто его знает и любит.

Ю. НАДЕЖДИН.

На снимках: засл. работник культуры РСФСР солист Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского В. И. Акимов; Владислав Акимов в роли Бартоло («Севильский цирюльник» А. Россини).

Фото Ю. Силина.

Чуть ли не в один и тот же день два человека, независимо друг от друга, поведали мне нечто, никак не относящееся к привычным нашим, часто ни к чему не обязывающим толкам о мелочах жизни и потому вызывающее к размышлению.

«Устал, брат. Устал ловить свою голубую птицу. Годы, брат, не те, сил на все не хватает. Теперь семья, дети — вот мои первые заботы. Да ведь и мать у меня еще жива. Вот им бы хорошо было, а остальное...».

И он махнул рукой.

«У меня нынче последний год молодости, — так говорил мне второй. — Через месяц мне пятьдесят девять. Хочу дать гостям в день рождения маленький спектакль на тему «Как шагнуть в последний год молодости — и презреть этот